

СИМВОЛИЗМ РУССКОЙ МАГИИ И НОВАЯ КНИГА ВИЛЬЯМА РАЙАНА

В книге В.Ф. Райана «Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России» (пер. с англ.; отв. ред. А.В.Чернецов. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 720 с.; ил.) дается почти всеобъемлющее изложение мантико-магических технологий и практик, представленных в славяно-русской книжности примерно с XI в. по настоящее время. Книга Райана объемна, пересказать ее в журнальной статье невозможно, поэтому для того, чтобы было понятно, о чем в ней идет речь, ниже дается ее оглавление.

Издание имеет 16 глав. Первая глава носит название «Исторический очерк» (перевод Л.И. Авиловой), содержит разделы «Киевская Русь и наследие Византии», «После Киевской Руси», «Магия и православные славяне», «Письменная традиция», «Еврейские и восточные влияния», ««Стоглав» и «Домострой»», «Западные влияния».

Вторая глава «Народная магия» (пер. Л.И. Авиловой) включает разделы «Введение», «Дурной глаз», «Порча», «Древние божества, злые духи и магия», «Защита от магии, ведовства и злых духов», «Магическое время», «Магические места и направления», «Пародии на христианский культ».

В третьей главе «Колдуны и ведьмы» (пер. Е.Б. Смилянкой) рассматриваются следующие вопросы «Введение», «Волхв», «Колдун», «Ведьма», «Знахарь», «Ворожей (ворожея, ворожейка)», «Иконография колдовства и колдунов». В лексикологическом приложении «Русские наименования колдовства и колдунов» анализируется русская магическая терминология «Как называют магию», «Как называют магов».

Четвертая глава «Народные гадания» (пер. И.И. Соколовой) состоит из «Введения» и разделов «Магическая защита во время гадания», «Народные гадания в художественной литературе», «Святочные гадания», «Гадания о предстоящем браке», «Народные гадания на разные темы».

В пятой главе «Знаменья, приметы, предсказания, календарные прогнозы» (пер. О.В. Беловой) содержится «Введение», дается «Общая характеристика предзнаменований», рассматриваются «Календарные предсказания», «Небесные знаменья», «Гаруспиции»⁶⁸, «Гадания по лопаточной кости», «Волховник».

Шестая глава «Толкование снов и гаданий, связанные с человеческим телом» (пер. Е.Б. Смилянкой) содержит разделы «Сны и сонники», «Физиогномика», «Хиромантия», «Уриноскопия», «Чихание и зевота», «Непроизвольное вздрагивание и зуд: «Трепетник».

⁶⁸ Гаруспиции – гадания по внутренностям животных.

В седьмой главе «Заговоры, заклинания и ложные молитвы» (пер. И.И. Соколовой) находятся разделы «Введение», «Русские заговоры», «История заговоров», «Структура и характер заговоров», «Виды заговоров».

Восьмая глава «Талисманы и амулеты» (пер. И.И. Соколовой) содержит «Введение», а также части «Повседневные объекты в качестве амулетов», «Другие домашние талисманы», «Прочие нехристианские амулеты: узлы и камни», «Волшебные кольца, жезлы, зеркала, книги, куклы», «Предметы христианского культа в качестве талисманов», «Ладанки».

Девятая глава «Materia magica» (пер. О.В. Беловой) состоит из «Введения» и разделов «Травы, колдовство и яды», «Травы и корни», «Пища», «Материалы, связанные с человеческим телом», «Животные и части их тел», «Рыбы», «Птицы», «Металлы и другие минералы», «Вода».

Десятая глава «Тексты как амулеты» (пер. И.И. Соколовой) помимо «Введения» содержит части «Послания Христа и царя Авгаря», «Семьдесят два имени Господа», «Письмо св. Николаю или Петру», «Сон Богородицы», «Епистолия Иисуса Христа о неделе» («Епистолия святая неделия», «Иерусалимский свиток», «Послание господина нашего Иисуса Христа с небесе спадшее»), «Сказание о двенадцати пятницах», «Волшебный квадрат SATOR».

В одиннадцатую главу «Магия букв и цифр» (пер. Е.Б. Смилянкой) входят «Введение», «Магические слова и имена: общие замечания», «Библиомантия», «Гадание по Псалтыри», «Страсти Христовы», «Магия чисел», «Особо значимые числа», «Ономантия (гадание по имени)», «Число зверя», «Гадание игральными костями и метание жребия», «Колесо фортуны» и «Круг царя Соломона», «Игральные карты».

Двенадцатая глава «Геомантия» (пер. Л.И. Авилевой и А.В. Чернецова) включает разделы «Введение», «Геомантия, приписываемая пророку Самуилу (Хаилу)», ««Рафли» и «Аристотелевы врата»».

Тринадцатая глава озаглавлена «Алхимия и магические свойства камней» (пер. И.И. Соколовой). В нее входят «Введение», «Византийские источники», «Московия: «Тайная тайных»», «После книги «Тайная тайных»».

В четырнадцатой главе «Астрология: византийская традиция» (пер. Н.И. Шленской) содержатся части «Греческая образованность и славяне», «Астрономические знания в Киевской Руси», «Астрологические тексты», ««Громник» и «Молнияник»: предсказания по грому, молнии и землетрясению», «Лунник», ««Колядник»: календарные предсказания», ««Счастливые» и «несчастливые» дни», «Астрологическая терминология».

Пятнадцатая глава «Астрология: поствизантийские влияния» (пер. Н.И. Шленской) включает разделы «Математика и астрономия», «Отношение к астрологии», «Влияние иудаизма», «Восточные влияния», «Западноевропейские влияния: альманахи, гороскопы, народная астрология», «Астрологическая терминология».

Шестнадцатая заключительная глава носит название «Магия, церковь, законодательство и государство» (пер. Е.Б. Смилянкой).

Английский текст книги вышел в 1999 г. (см. рец.: Чернецов А.В. Книга английского слависта о русской магии // Живая старина. 2001, № 3. С. 55-56). Русский перевод отличается, в частности, от английского дополнительными иллюстрациями, подобранными доктором исторических наук А.В. Чернецовым. Автор книги Вильям Френсис Райан, член Британской академии, изучение русского языка начал еще в средней школе, продолжил в Оксфордском университете. Его диссертация на ученую степень доктора философских наук «Астрономическая и астрологическая терминология в древнерусской литературе» (Оксфорд, 1970 г.) показывает, что В.Ф. Райан не случайно написал свою книгу: она плод всей его жизни.

Книга В.Ф. Райана является наиболее полным и обстоятельным изложением материала о русской магии в контексте всеобщей истории магии. Наиболее основательно в ней изложены вопросы, связанные с обрядами (этнография, этнология) и терминологией (филология). Изложение строится на подлинных славяно-русских и др. текстах (по магии, мантике⁶⁹, астрологии, алхимии и пр.). Достаточно полно представлена международная историография по проблемам исследования.

Несколько в стороне оказалась связь магии с русскими историческими реалиями, хотя последняя глава имеет прямое отношение к указанному вопросу. Это, кстати, также свидетельствует, что в изложении материал недостаточно связывается с текущими историческими событиями, происходившими в стране. Мало внимания уделяется в книге роли магических представлений в развитии науки в России. Здесь не затрагивается получившая в отечественной историографии трактовка магии в рамках исследования «третьей культуры» Руси (Н.И. Толстой, И.Н. Данилевский). Обходится стороной проблема ятронаправлений в истории русской науки (И.М. Рабинович, Р.А. Симонов).

В современном сознании укоренилось и относится к числу устойчивых (особенно, как ни странно, в кругу ученых-естествоиспытателей) мнение о магии как исключительно суеверии. К чести В.Ф. Райана, надо сказать, что он старается поколебать это ограниченное представление, однако не совсем энергично. В его сочинении магия как метод и средство познания на разных этапах человеческой истории, в том числе русской, уходит как бы на периферию основного смысла изложения. Это, на мой взгляд, является одной из причин, по которой в книге Райана не дается четкого ответа о том, что собой символизирует русская магия. Основной смысл настоящей работы заключается в ответе на указанный вопрос. Английская книга о русской магии его открывает своим существованием, но не дает четкого ответа (не ставит такой задачи).

Отношение к магии (всемирной, а не только русской) в современном общественном мнении в целом сохраняется как к суеверию. При этом не учитывается историчность магических представлений. В момент их возникно-

⁶⁹ Мантика - предсказательное гадание.

вения в седой древности, они не могли быть суевериями по определению в том случае, если оказывались в положении единственного средства познания окружающего мира. [Ср.: «Суеверие, ...вера в то, что некоторые явления и события представляют собой проявления сверхъестественных сил или служат предзнаменованием будущего...Предрассудок, основанный на такой вере» (Словарь русского языка: В 4-х т. М., 1984. Т. 4. С. 302)].

Первоначальные, возникшие в древности магические практики, служа целям познания действительности, становятся суеверными предрассудками в результате смены парадигмы восприятия природы. Новые поколения мыслящих людей, отказавшиеся от представлений своих предшественников, имеют возможность упрекать их в суеверии на основе приписывания им веры в сверхъестественное. Сами же древние мудрецы так могли не считать (им о том, что они якобы верят в сверхъестественное, просто неоткуда было узнать).

Более неоднозначной выглядит ситуация, когда на основе еще более новой познавательной парадигмы человечество возвращается к первоначальным взглядам на магию как средство познания мира (по образцу диалектического закона «отрицания отрицания»). В этом случае мыслящие люди сознательно реанимируют магические представления древних с целью их «очистки» от суеверий (веры в сверхъестественное). Некоторым идеям, которые до этого считались сверхъестественными, находится вполне разумное объяснение в рамках новой парадигмы. В глазах части населения некогда сверхъестественные представления, получившие научное истолкование, по-прежнему остаются сверхъестественными. В этом случае общественное сознание как бы идет по пути наименьшего сопротивления и все идеи, некогда связанные со сверхъестественным, зачисляет в разряд суеверий, особенно не пытаясь разобраться в их сути и историческом контексте.

Еще более трудно «перевариваемой» для общественного сознания является ситуация, когда в недрах системы сверхъестественных представлений вызревает и затем в сформированном виде является миру новая система взглядов на познание природы, которая становится господствующей научной парадигмой. Так, например, возникла современная точная (или естественная) наука, сложившаяся в XVIII веке в результате усвоения и переосмысления предшествующих взглядов на природу. Это происходило (в том числе) и в недрах возрожденческой эзотерики (магии, мантики, астрологии, алхимии и пр.).

В период Возрождения в Западной Европе возродился интерес к древним магическим верованиям, которые стали разрабатываться и в университетах. В связи с этим на медицинских факультетах возникли так называемые ятронаправления (от латинского «ятро» – врач) в составе ятроматематики (врачебной астрологии), ятрофизики (врачебной физики), ятрохимии (ятрохимии) и пр. В ятро- и других «научных» направлениях, связанных с магией, развивались математика, физика, химия и прочие дисциплины, которые в Новое время сформировались в науку современного типа.

Следовательно, ятро- и др. магические направления в период Возрождения служили почвой, основой и средой складывания современных естественных наук. Человечество должно быть благодарно за это магии, особенно в форме ятронаправлений. Последние в условиях университетской науки Возрождения были предвестниками и пестователями знаний, из которых возникла современная наука, с позиции которой они в то же время являлись суевериями (в своей основе). В этом заключается двойственность возрожденческой магии: сохраняя в себе сверхъестественное, она в то же время, как мать, рождающая ребенка, зачала и породила новую (современную) науку, которая сразу стала наиболее последовательно преследовать и развенчивать свою мать - магию.

Как показывают вновь обнаруженные источники, недостаточно учтенные в книге Райана, нечто похожее, но в ослабленной степени, происходило в России XV – 1-й половине XVI вв., когда стала применяться одна древняя магическая практика, называемая хрономантией, в которой предсказания даются по единицам счета времени (час, день и др.). В истории науки этот способ описывается так: «Разделив сутки на 24 часа, древнеавилонские мудрецы составили представление, будто каждый час суток находится под покровительством определенной планеты, которая как бы «управляет» им. Счет часов был начат с субботы: первым ее часом «управлял» Сатурн, вторым – Юпитер, третьим – Марс, четвертым – Солнце, пятым – Венера, шестым – Меркурий и седьмым – Луна. После этого цикл снова повторялся... В итоге получалось, что первым часом следующего дня, воскресенья, «управляло» Солнце, первым часом третьего дня – Луна, четвертого – Марс, пятого – Меркурий, шестого - Юпитер, седьмого – Венера» (Климишин И.А. Календарь и хронология. М., 1990. С. 79-80).

В древнерусской книжности этот метод оставил след в виде буквенных обозначений дней недели, начиная с субботы: СНПВРЧТ. Здесь С-суббота, Н-неделя (воскресенье), П-понедельник, В-вторник, Р-сРеда (первая буква С занята обозначением субботы), Ч-четверг, Т-пятница (первая согласная П использована для обозначением понедельника). Указанные обозначения дней недели (возможно, впервые) встречаются в рукописном Служебнике 2-й пол. XIV в. (Российская национальная библиотека, Ф. п. 1., № 73. Л. 394). Порядок букв в Служебнике несколько изменен НПВРЧТС, очевидно, под влиянием недельного счета дней (начиная с воскресенья), воспринятого Русью из Византии.

Данные об «управлении» часами в соответствии с хрономантией, как она описана выше, представлены в виде таблицы в славяно-русском рукописном Сборнике кон. XVII – нач. XVIII вв. (Российская государственная библиотека, фонд 439, картон 21, единица хранения 3. Л. 227 об.). Здесь буквенные обозначения дней недели имеют порядок как в Служебнике 2-й пол. XIV в. НПВРЧТС (сверху вниз), что может быть датировочной приметой, свидетельствующей о том, что протограф хрономантической таблицы мог появиться на Руси не позже конца XIV в. То есть во время, близкое к возведению первых башенных общественных часов в Москве в 1404 г.

Отсюда можно сделать предположение, что часы 1404 г. выполняли не только теперь обычную, знакомую нам функцию приспособления для счета времени, но и служили средством прогнозирования событий по «окраске» часов. Часовой хрономантией предписывалось все дела начинать и совершать в час, «управляемый» благоприятными светилами, такие часы назывались «добрыми». В остальные часы, особенно «управляемые» неблагоприятными светилами, не рекомендовалось заниматься делами, так как считалось, что при этом будет неудача. Такие часы назывались «средними» и «злыми».

Естественно, если часы 1404 г. использовались для хрономантического прогнозирования, то должны были существовать соответствующие славяно-русские «пособия», подразделявшие часы на «добрые», «средние» и «злые». И действительно, такого рода прогностическое «пособие» сохранилось. Оно имеет название «Часы на семь дней: добры и средни и злы». Содержится оно в древнерусском рукописном сборнике середины XV в. (Российская национальная библиотека, Кирилло-Белозерское собрание, № 22/1099. Текст опубликован: Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы. М., 1863. Т. 2. С. 382-384). Райан о нем говорит в своей книге следующее: «Существует и перечень «добрых», «злых» и «средних» часов на каждый из дней недели (например, в воскресенье «час 1 добр, час 2 добр, час 3 зол, час 4 средни...»), со ссылкой на публикацию Тихонова (с. 547; 561, прим. 71).

Второе хрономантическое «пособие» представляет собой набор таблиц, по которым можно установить прогностическую «окраску» часа любой даты (в прошлом и будущем). Этот комплекс таблиц имеет название «По сему часы разумети дневные и ночные»; содержится он в рукописной Псалтыри с воследованием кон. XV – нач. XVI вв. (Российская государственная библиотека, фонд 354, № 14. Л. 663). Райаном это произведение не упоминается. Оба «пособия» взаимосвязаны. Так, из второго, «свернутого», можно было «развернуть» первое. Второй текст содержит инверсию двух показателей, что может свидетельствовать о неоднократном его копировании, в процессе чего произошла инверсия-описка. Возможно, протограф второго «пособия» предшествовал первому, относясь к 1-й половине XV в., то есть был ближе по времени к часам 1404 г.

Примерно со времен Птолемея (2 в. от РХ) предписывалось считать благоприятными («добрыми») Юпитер и Венеру, неблагоприятными («злыми») Сатурн и Марс, нейтральными («средними») Солнце и Меркурий. Птолемеевская трактовка светил до сих пор является ядром хрономантии как составной части астрологии (см.: Саплин А.Ю. Астрологический энциклопедический словарь. М., 1994. С. 417).

Обоим славяно-русским хрономантическим «пособиям» присуща общая удивительная особенность, состоящая в отличной от принятой в классической астрологии птолемеевской «окраске» светил и «управляемых» ими часов. Так, Сатурн был не «злым», а «добрым»; Юпитер не «до-

брым», а «злым» и так далее. Единственным совпадением была «доброта» Венеры в обеих трактовках – толемеевской и славяно-русской. Никаких объяснений оригинальной славяно-русской трактовке светил (по сравнению с общепринятой толемеевской) в «пособиях» или других средневековых источниках не содержится.

Откуда пришла на Русь идея об указанной трактовке светил, или она местного происхождения? В этом вопросе полной ясности нет. Однако некоторые обстоятельства его проясняют. Так, в историографии известен еще один источник, аналогичный двум рассмотренным «пособиям», с оригинальной славяно-русской трактовкой светил и «управляемых» ими часов. «Я хочу сослаться на мало известную работу раннего средневековья, - писал недавно известный астролог, - найденную в одном из сербских монастырей. Там каждому часу дня приписано качество: добрые часы, злые, нейтральные. Связав эти качества с планетами часа, можно видеть, что все плохие часы – часы Меркурия и Юпитера, все добрые часы – Солнца, Сатурна и Венеры, а нейтральные – Луны и Марса» (Левин М.Б. Лекции по астрологии. М., 1992. С 60-61).

Сведения о нахождении текста в сербском монастыре переключаются с летописным известием о том, что часы 1404 г. были построены афонским монахом «сербином» Лазарем по «замыслу» великого князя Московского Василия Дмитриевича (сына Дмитрия Донского) (Полное собрание русских летописей. СПб., 1913. Т. 18. С. 281). Нельзя исключать, что Лазарь скопировал на Афоне или в Сербии в монастырской библиотеке текст с хрономантической трактовкой светил. Эту копию он привез в Москву для прогнозирования событий по часам, которые установил в Кремле. Об этом протографе «в одном из сербских монастырей» могла идти речь у Левина, а «пособия» есть восходящие к ней тексты.

Покровительство великого князя Василия Дмитриевича, видимо, на первых порах благоприятствовало прогнозированию по часам. Об этом косвенно свидетельствует текст «Сказания о Мамаевом побоище», о времени написания которого мнения историков сильно расходятся (от 1380 по 1521 гг.). В «Сказании» ключевой персонаж – воевода Боброк-Волынец – ждет наступления 8-го часа, счастливого («доброе») для атаки засадного полка, решившей исход Куликовского сражения. Также благоприятно оценивается прогнозирование по часам в «Сказании царя Соломона, что есть печать большая». По мнению акад. А.И. Соболевского текст этого «Сказания» был составлен «в Московской Руси не позднее конца XVI века» (Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV-XVII веков. СПб., 1903. С. 433). В указанном средневековом сочинении царю Соломону приписывается изобретение многих наук и полезных знаний, в том числе «каков к чему час» для прогноза, «в коем часу куда ходити или ехать или з сильным встретися».

Осудительное отношение к хрономантическому прогнозу, кажется, впервые встречается в послании старца Псковского Елеазарова монастыря Филофея «О злых днях и часах» (ок. 1524 г.). Здесь дается отрицатель-

ная оценка прогнозу жизни человека по часу его рождения. Такой прогноз Филофей причисляет к ложным басням, а соответствующее прогнозирование – к кощунственным деяниям. При этом монах, вопреки ожиданиям, строит изложение не в назидательном духе, а прибегает к логике. Он мотивирует невозможность сотворения Богом «злых» часов тем, что в таком случае Бог не в праве наказывать («мучити») злодеев, которые становятся такими по его воле, родившись в «злой» час.

Обычно церковные послания строились на авторитете Священного Писания и богословских сочинений Отцов Церкви, а не на законах логики. На необычность логической аргументации Филофея указывалось в историографии (например, К. Голоскевичем, В. Малининым). Однако отсутствовало объяснение, чем обусловлен такой необычный случай. Не претендуя на окончательное решение вопроса, можно предположить, что у прогнозирования по хрономантической «окрашенности» часов были авторитетные покровители в церковной и правительственной верхушке. В таком случае Филофей не мог просто так отмахнуться от такого способа прогнозирования, лишь сославшись, например, на чей-то авторитет, поэтому прибег к аргументации по логике «существа вопроса».

Решения Стоглавого Собора 1551 г. поставили точку в вопросе о прогнозировании по часам. Оно было запрещено, наряду с другими сокровенными практиками: осуждены прорицатели, которые «смотрят дней и часов и теми дьявольскими действами мир прельщают и от Бога отлучают» (Стоглав. М., 1890. С. 181-182). В индекс запрещенных для христиан учений, практик и книг в славяно-русском списке XVI в. попало «часомерие» (РНБ, Соф. 1285. Л. 46).

Это слово, выражающее запрещенное прогнозирование по часам, впервые встречается в летописном известии 1404 г. об установлении «сербином» Лазарем «часника» (башенных часов) в Московском Кремле. Возможно, славяно-русское хрономантическое прогнозирование по часам изначально называлось «часомерием». Но, может быть, как это считается в историографии, оно сперва толковалось как «измеритель времени» (Пипуныров В.Н., Чернягин Б.М. Развитие хронометрии в России. М., 1977. С. 12), а лишь потом стало вырождать предсказательную практику по часам. Во всяком случае, это произошло уже в XVI в., когда «часомерие» попало в разряд запрещенных сокровенных знаний.

По-видимому, в одном из последних случаях осудительного упоминания часовая хрономантия «удостоилась» в Кирилловой книге, изданной в 1644 г. по приказу царя Михаила Федоровича. Здесь в ряду гадательных и предвещательных книг и знаний говорится «о часах добрых и злых». Прогнозирование по часам в Кирилловой книге трактуется, наряду с другими отреченными верованиями, как относящееся к волхвованию, которому предаются «безумные людие».

Возникнув в XV в., скорее всего, с его начала – в связи с установкой «часника» в Московском Кремле в 1404 г., древнерусский вариант хрономантии просуществовал до середины XVI в., будучи запрещенным Стогла-

вом 1551 г. Затухание хрономантического прогнозирования было также обусловлено переходом России с сер. XVI в. на другую систему счета часами. Московский «часник» 1404 г., по-видимому, предназначался для так называемых «косых» часов переменной длительности (равных 1/12 части отдельно дня и отдельно ночи). Примерно с сер. XVI в. в Москве, а затем по всей России, перешли на счет часами постоянной длительности в 60 мин. Начало отсчета в этой системе велось «дневными» часами с рассвета и «ночными» с заката (подробнее см.: Симонов Р.А. Косой, дневной, ночной час // Русская речь. 1993, № 4. С. 68-74).

В этой новой часовой системе было затруднено основанное на «косых» часах хрономантическое прогнозирование. В условиях запрета и нового русского часового счета последнее было обречено. Вероятно, от XV – первой половины XVI века в русской речи сохранилось благопожелание «В добрый час». Сейчас оно воспринимается как метафора, но раньше могло иметь реальный смысл «добротного» часа, сулившего успешный исход событиям, которые начинались или происходили в такой час.

Возвращаясь к книге Райана, можно сказать, что она содержит факт, подтверждающий оригинальность русской часовой хрономантии. Дело в том, что если русская хрономантия имела местное распространение, то за рубежом о ней было бы мало известно. И действительно, Райан отмечает, что, например, присущее русским текстам понятие «злой час» отсутствует в латинских и немецких предсказаниях: «Однако у русских лунников имеется характерная особенность: к предсказаниям почти на каждый день добавляется указание на «злой час» (отсутствующее в латинских и немецких версиях)» (Райан В.Ф. Указ. соч. С. 546). Таким образом, книга Райана дает дополнительное подтверждение заключению о возможной оригинальности существовавшей в XV – первой половине XVI вв. славяно-русской традиции хрономантического прогнозирования.

Работе В.Ф. Райана присущ признак энциклопедизма: например, выясняется, что отдельные стороны магии, которые становятся чьим-то предметом изучения, в его книге уже нашли отражение. В частности, это видно на рассмотренном случае установки в Москве 600 лет назад первых башенных часов. Академик Д.С. Лихачев указанное событие связывал с феноменом историчности сознания русского общества, наступившего в связи с распространением в России идей Ренессанса (в рамках так называемого, русского Предвозрождения).

Проявлением Предвозрождения была, в частности, деятельность в Новгороде и Москве (70-е годы XV - начало XVI века) вольнодумцев «живодствующих». «Вольнодумцы эти критически относились к церкви и к отдельным догматам православия, но больше тянулись к светским знаниям, усиленно занимались астрологией и логикой. Это было, по всей вероятности, гуманистическое течение, с которым в большей или меньшей достоверностью связывается ряд западнорусских рукописей конца XV-XVI в. научного и полунучного содержания» (Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X-XVII веков. Л., 1973. С. 127).

Характеристику Лихачева можно соотнести с более ранними, чем тексты «жидовствующих», славяно-русскими произведениями по хрономантии. И рассматривать их в качестве деятельности гуманистов-вольнодумцев, группировавшихся около великого князя Московского Василия Дмитриевича, среди которых важную роль играл конструктор кремлевского «часника» 1404 г. «Сербин» Лазарь. В утверждении этого нового в отечественной историографии вывода важное значение сыграло знакомство с книгой Райана по истории русской магии.

Русская магия, как показала книга Райана, это в основном перемешанный набор магических методик и практик, уходящих корнями в седую древность (Древний Вавилон, античная Греция и Рим). В то же время русская магия с западноевропейской находилась как бы в состоянии сообщающихся сосудов. Те процессы, которые происходили на Западе, с некоторым запаздыванием и в ослабленной степени, как правило, обнаруживались на Руси. Однако они не всегда были точной копией западноевропейских, а могли вносить что-то новое в мировой познавательный процесс. Так, в период русского Предвозрождения XV – первой половины XVI вв. «реанимирование» часовой хрономантии сопровождалось отказом от распространенной по всему миру птолемеевской версии магической “окраски” времени. Возможно, в этом проявилось стремление русских вольнодумцев достичь нового результата “вливанием нового вина в старые мехи” путем принятия новой славяно-русской магической парадигмы времени.

Магия в глазах ее русских сторонников могла дополнять сведения о мироустройстве и рассматриваться в качестве метода воздействия на окружающий мир с целью облегчения человеческого существования путем прогнозирования своего будущего. С церковной точки зрения это было крамолой, неприемлемой для христианина, так как тяготы жизни рассматривались в качестве божьей кары за грехи. Их следовало смиренно нести и замаливать, а не прибегать вместо этого к магии. Поэтому магия и другие средства эзотерики считались вредоносными занятиями, нарушающими божественную волю. Вместе с тем, данные о русской магии, представленные в том числе в книге Райана, как будто бы говорят о том, что магия для русского человека не была религиозным знанием. Нет прямых сведений, что магические представления предназначались для замещения христианской религии (хотя бы в какой-то ее части).

Символичность русской магии, по-видимому, заключается в постоянном или возникающем от случая к случаю стремлении отдельных людей либо групп вольнодумцев, не надеясь на Бога (или действуя по принципу «На Бога надейся, а сам не плошай»), использовать идеи магии в личных или общественных целях с мыслью о воздействии на свою судьбу или историческую реальность для их улучшения.